

*Михаил Красиков
г. Харьков, Украина*

«НАЖАЛ НА КНОПКУ — ЧИК-ЧИРИК, И ИНЖЕНЕР ГОТОВ!»

Песенный фольклор харьковских студентов-политехников

1950-х — начала 1960-х гг.

Обзор репертуара

Песенный репертуар студенчества как субкультурного образования открыто-закрытого типа составляют три основные группы произведений:

1. Распространенные и передающиеся из поколения в поколение песни, отражающие специфику студенческой жизни;

2. Насыщенные местными реалиями и антропонимами песни, имеющие локальное, групповое и временное распространение (среди участников художественной самодеятельности кавээнщиков, однокурсников, жильцов общежития определенного периода, той или иной дружеской компании и т.д.);

3. Популярные фольклорные и авторские песни (впрочем, авторство, как правило, носителям традиции неизвестно или приписывается первому исполнителю или вообще неинтересно).

Сегодня лишь мизерное количество студентов Харьковского политехнического института знает студенческую классику; местные окказиональные песни теперь очень редки, сочиняются они, как правило, к КВНам и не живут дольше одного-двух представлений (разве что какое-то время цитируются при случае удачные строчки или выражения из них). Разумеется, современные студенческие песни отличаются от подобных песен предшествующих поколений. Из новых произведений на студенческую тематику чаще всего поется песня Кузи про «шнягу шняжную – жизнь общажную» из телесериала «Универ». Коллективное (групповое) исполнение все более уступает индивидуальному, да и само пение уступает место слушанию записей, причем последнее тоже преимущественно индивидуальное, благо современная техника предоставляет такую возможность. Основу репертуара сегодняшних студентов ХПИ составляет творчество современных авторов (музыкальных групп).

В 1950-е – в начале 1960-х годов студенчество Харьковского политеха было и дружным, и веселым, и поющим. В репертуаре ребят (в частности, энергетиков) были **общестуденческие** песни, в которые чаще всего привно-

сились свои новации: «Колумб Америку открыл...», «От зари до зари...», «В первые минуты...», «Магадан» («Слушай, друг, мотай на оба...»), «Султан» («В гареме тешится султан...»), «Электричество» (песня в одном из вариантов имеет подзаголовок «Гимн электриков ХПИ»), «Всем известно, что студенты...», «Как закончу я учебу...», «Окончив институт...», «Студент» («Раскинулось море над модулем пять...») и другие. Варианты этих песен, в большинстве, известны, но каждый новый добавляет свои нюансы к нашему восприятию данных фольклорных произведений.

Были и **сугубо политеховские** песни (большей частью, как и сейчас, переделки), причем, как правило, авторы их не забывались: «Лагеря» («Если грустно вам, друзья...»), «Харьковская прощальная» («Скоро кончим диплом...»), «Был у нас студент на факультете...», «Незабудка» («Не в саду цветут цветы...»), «Перегончики» («На перегончиках...»), «Как-то раз до новой эры...», «Марш агитбригады художественной самодеятельности ХПИ» (автором его был впоследствии известный детский поэт В. Левин). Приведем текст «Марша», написанного осенью 1955 года, как весьма характерное произведение своего времени:

Мы с песнею веселой
Объедем край родной.
Спешим степями, сёлами,
Дорогой полевой.

Друзья повсюду рады нам,
Встречают, как своих.
Концертная бригада мы —
Студенты ХПИ.

Бывало, что на месте нам
Обед забудут дать,
Но мы умеем весело
Не жравши выступать.

Грязны мы, и охрипли мы,
И в сено спать уйдем,
Но голосами сиплыми
Мы всё-таки поем... [ПМА, зап. от В.А. Левина]

Не менее характерна и «Песня, написанная на крыше крытого грузовика, внутри которого спала женская часть агитбригады» (автор В. Левин):

Темная ночь,
Только зубы от ветра стучат,
Только квакают, видно к дождю,
У колодца лягушки.
В темную ночь
Ты, товарищ мой, знаю, не спишь,
Ты на крыше машины лежишь
Без перин и подушки.
Ночь не страшна,
С ней не раз мы встречались в пути.

Вот и сейчас
Нам с тобою опять
Не спится.
Радостно мне,
Знаю, девочки спят подо мной,
И поэтому я не боюсь
В будку к ним провалиться. [ПММА, зап. от В.А. Левина]

Имелись в репертуаре и **мелодраматические шлягеры**, исполняемые «со слезой в голосе и надрывом», но, разумеется, с ориентацией на комическое восприятие: «Постой, паровоз, не стучите, колеса...», «Сиреневый туман», «Стальной гигант» («Они стояли на корабле у борта...») и другие. Песня «Стальной гигант» в 1960-е была обожаема и студентами-физиками Харьковского государственного университета, причем исполнение ее (исключительно хоровое) всегда сопровождалось пародийной инсценировкой.

Очень часто исполнялись тогда модные смешные **песенки литературного происхождения**, такие как: «Однажды рыжий Шванке...», «Венецианский мавр Отелло...», «Сага о Толстом» («Писатель дворянского класса...»), «Девушка в платье из ситца...», «Песня о зубах» («Цилиндром на солнце сверкая...»), «Файдули-фай» («Что же нам делать...»), «Сиреневый платочек» («Расцвела сирень в моем садочке...»), «Турецкая лирическая» («Снова замерло все до рассвета...»), «Зараза» («Что ж ты смотришь

на меня в упор...»), «История каховского раввина» («Зачем, скажите, вам чужая Аргентина...»), «30 метров креп-де-шина» («Расскажу я вам, ребята...»), «Задумал я, братишечки, жениться...». Многие из этих песен, например, «Про каховского раввина», «Холостою жизнью я извелся» и другие фиксировались как активно бытующие среди российского студенчества и во второй половине 1980-х годов.[]

Разумеется, популярен был **блатной фольклор**, в частности, песни: «Я с детства был испорченный ребенок», «Товарищ Сталин, Вы большой ученый...» (песня на слова Юза Алешковского, бытовавшая, разумеется, как безавторская и «блатная»).

Изредка звучала **романсовая лирика**, например «Клен ты мой опавший...» (на слова С. Есенина).

В 1960-е годы студенческий репертуар харьковчан пополняется **бардовскими** произведениями. Песни Б. Окуджавы «Последний троллейбус» («Когда мне не в мочь пересилить беду...»), «Вы слышите, грохочут сапоги...» и другие харьковская интеллигенция услышала раньше, чем в иных городах СССР, благодаря замечательному филологу Льву Яковлевичу Лившицу, который вначале привез записи домашних концертов никому не известного тогда автора, а потом и самого Окуджаву, устроив ему, по сути, первое большое публичное выступление в Центральной лектории.

Пользовались успехом и «**стиляжьи**» однодневки: «Пьяненький» («Ночь тьмой окутана...»), «Чуча» («Ночь! Два голых негра роют яму...») и подобные. Входили в репертуар, хотя и в значительно меньшей степени, тогдашние **эстрадные** песни, например, «Солдатская» («Мы сегодня писем ждем крылатых...», слова Л. Ошанина, музыка М. Фрадкина), а также русские и украинские **народные** песни.

Остановимся на собственно студенческом фольклоре. В начале 50-х годов среди студентов-электриков многих советских вузов была необычайно популярна песня «Электричество». Она была написана ориентировочно в 1952 году на мотив песни «Пиши, не забывай!» («Черная стрелка проходит циферблат...») из кинофильма «Веселые ребята» (слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского, 1934 год). Ряд вариантов этой песни встречается в Интернете, однако «Гимн электриков ХПИ» содержит оригинальные строфы, отсутствующие в предшествующих публикациях. По этой причине приведем песню полностью:

Нам говорили: пар
Прогресс продвинет заново

И Ньютон, и Карно,
И братья Черепановы,
Но заявили твердо
(И в этом был резон!)
Доливо-Добровольский
И Томас Эдисон:

ПРИПЕВ:

Нам электричество
Сделать все сумеет,
Нам электричество
Мрак и тьму развеет,
Нам электричество
Заменит тяжкий труд,
Нажал на кнопку: чик-чирик!
И тут как тут.

Придет желанный век —
И все преобразится,
Не будем мы тогда,
Как лошади, трудиться,
Стальной электроробот
Нам будет лучший друг,
А ширь степную будет
Пахать электроплуг.

ПРИПЕВ.

Плавать мы будем
Тогда в электрованне,
А летать мы будем
На электроплане,
Грабить нас будет
Тогда электровор,
А судить нас будет
Электропрокурор.

ПРИПЕВ.

Заменит сердце нам
Электрогенератор,
А кашу сварит нам
Электросепаратор,
А органы заменит
На время брачных дней
Катушка индуктивности
И соленоид к ней.

ПРИПЕВ.

Не будет поцелуев,
Мы так будем любиться,
Не будет пап и мам,
Мы так будем родиться,
Не будет акушеров,
Не будет докторов.
Нажал на кнопку: чик-чирик!
И человек готов.

ПРИПЕВ.

Заходишь в ресторанчик —
Там все на электричестве.
Нажал на кнопку: чик! —
Вино в любом количестве.
Еще на кнопку: чик! —
Тарелка с колбасой!
И не прошло пяти минут,
Как ты уже косой.

ПРИПЕВ.

Пришел с работы злой,
А там одно и тоже!
Пускай орет жена,
Пусть вылезет из кожи,
Сиди, читай газету

И ты не виноват,
А за тебя ругается
С женой электромат.

ПРИПЕВ.

Придет счастливый век —
И все преобразится,
Поскольку электричество
Везде распространится,
И будет мир богатым
И рвущимся вперед,
Покуда мирный атом
Все это не взорвет.

ПРИПЕВ. [ПМА, Копусь, 2010]

Первый и последний куплеты сочинил Виталий Копусь, тогда — студент-энергетик ХПИ, активный участник художественной самодеятельности, сегодня — автор нескольких поэтических сборников. Данная песня, при всей ее ироничности, отчетливо запечатлела свою эпоху, когда, по словам Бориса Слуцкого, были «физики в почете». Электроэнергетический факультет ХПИ (бывший Харьковский электротехнический институт) являлся в 50-е самым престижным (12 человек на место, тогда как на остальных факультетах — не больше 5). Некоторым обывателям («простым советским людям»), да и юным романтикам, которых тогда еще хватало, действительно, казалось, что грядущая научно-техническая революция решит как глобальные социальные, так и многие личные проблемы. Ничего удивительного, что будущие инженеры — главные действующие лица этой революции — создали вполне *абсурдистский текст*, исполненный тотальной иронии по поводу подобных иллюзий. Студенчество всегда, отчасти даже разделяя заблуждения своего века, все-таки умело смотреть на вещи достаточно трезво, чему способствовало не в последнюю очередь чувство юмора, не задавленное у молодых людей даже тоталитарным режимом.

Песня «Электричество» записана нами в трех вариантах, хотя известны и другие, в т.ч. выложенные в Интернете. Приведем основные различия. Во 2-ом варианте песня начинается с припева:

Нам электричество мрак и тьму рассеет,
Нам электричество сделать все сумеет,
Нам электричество заменит всякий труд.
Нажал на кнопку — чик-чирик, и тут как тут.
[Здесь и далее — ПМА, Зубарь, 2010]

Обратим внимание на эпитет *всякий* вместо *тяжкий* в 1-ом варианте: здесь рисуется с первых же строк не облегчение труда, а полная отмена его, и как результат — праздная счастливая жизнь людей.

В будущей утопии «лысых не будет, и все омолодятся».

Если в 1-ом варианте предполагается, что пахать будет *электропуг*, то во втором:

Нам электричество тьму и мрак разбудит,
Нам *электричество* пахать и сеять будет. (курсив наш — М.К.)

Электричество здесь намеренно опредмечивается и предстает как некая волшебная сила, которая вполне сродни «щучьему веленью» в русских сказках — непостижимому, но действенному.

Замечательны во 2-ом варианте строфы, посвященные перспективам «личной жизни»:

Не нужно будет нам влюбляться и терзаться,
Не нужно будет нам подолгу объясняться.
Электрообъяснение включи и не горюй.
А страсти нам заменит электропоцелуй.

Вот кончилось у вас электрообъяснение.
Порядочность зовет исправить положение.
На этот случай в парке ночной электрозагс
Без всяких проволочек в момент распишет вас.

Нажал на кнопку — чик-чирик, готово заявленье.
Еще на кнопку — чик-чирик, готово поздравленье.
Еще на кнопку — чик-чирик, и ты идешь домой
С свидетельством о браке и с новой женой.

Не будет никого счастливей вас на свете,
Появятся у вас с женой свои электродети.
Их рев не потревожит ваш безмятежный сон.
Споет им колыбельную электропатефон.

Ты нервы сохранить в семейной жизни сможешь.
Пускай орет жена, хоть вылезет из кожи.
А ты лежишь с газетой, и ты не виноват,
А за тебя ругается электроавтомат.

Нажал на кнопку – чик, и ты горишь от счастья,
Еще на кнопку – чик, и ты летишь в участок,
Еще на кнопку – чик, и ты идешь домой...,
А там жена встречает электрокочергой.

Обратим внимание, что «электромат» в первом варианте интереснее в силу своей двужначности, чем «электроавтомат» в приведенном только что тексте.

Финальный куплет, с намеренно неточной рифмой и акцентированной просторечной неправильностью словоупотребления, подчеркивает студенческое происхождение песни-утопии, так как апофеозом ее и «пределом мечтаний» студентов является избавление от учебы (и связанных с нею страданий):

Нам электричество тьму и мрак развеет.
Нам электричество сделать все сумеет.
Не будет институтов, не будет чертежов.
Нажал на кнопку – чик-чирик, и инженер готов!

Ср. в варианте, помещенном в Интернете: <http://a-pesni.golosa.info/dvor/nebudetlys.htm>

3-й вариант начинается весьма невнятно и неблагозвучно (в 1-й строке):

Приветствуем мы мысль,
Да здравствует наука!
Она стремится ввысь,
Прогресс нам в том порукой.

И заявляем всем:
Друзья мы потому,
Что нам электричество
Развеет мрак и тьму! [Здесь и далее – ПМА, Шехман, 2011]

В целом 3-й вариант во многом подобен 2-ому, хотя расположение строк другое и есть ряд мелких различий, например:

Еще на кнопку – чик!
Капуста с колбасой... [Здесь и далее курсив наш – М.К.]

* * *

А дело будет заводить
электропрокурор.

Не будем мы *весной*
Влюбляться и терзаться.
Не надо будет нам
Подолгу объясняться.
Электрообъяснение
Включи и не горюй.
А страсти *все* заменит нам
Электропоцелуй.
Вот кончилось у вас
Электрообъяснение.
Порядочность зовет
Исправить положение.
На этот случай в парке
Ручной электроЗАГС
Без всяких проволочек
В момент распишет вас.
Нажал на кнопку — чик —
Готово заявление.
Еще на кнопку — чик —
Услышишь поздравление.

Еще на кнопку — чик —
И ты идешь домой

С свидетельством о браке
И с *молодой* женой!

Мы нервы сохранить
В семейной жизни сможем:
Пускай орет жена —
Хоть вылезет из кожи.
Лежи себе с газетою —
И ты не виноват:
Ведь за тебя ругается
Электроавтомат!

А этого куплета нет в других вариантах:

Нетрудно будет нам
С женою разводиться.
Не надо будет нам
За тысячи судиться.
Ручной электросуд
Найдешь в семье любой.
Нажал на кнопку — чик-чирик! —
Ты снова холостой!

Завершается 3-й вариант повторением 2-го куплета (аналогичного начальному куплету 1-ого варианта), который здесь не исполняется в качестве припева, но выполняет «закольцовывающую» функцию. В других известных вариантах финал утопии порой рисуется так:

Нам электричество земной добудет рай —
Сиди себе, поплеывай и кнопки нажимай! [Антология, 2008, 661]

Харьковские политехники, вполне по законам фольклора адаптируя известные студенческие песни, деликатно насыщали их родной конкретикой. Например, в песне «Колумб Америку открыл...» они пели:

Колумб Америку открыл,
Страну для нас совсем чужую.
Дурак, он лучше бы открыл
В *электроркорпусе* пивную. [ПМА, Копусь, 2010]

Этот вариант мы фиксировали неоднократно от политеховцев разных поколений, да и от выпускников других харьковских вузов, хотя электрокорпус — именно политеховская реалья. В большинстве же публикаций, как правило, встречается такой вариант последней строки:

...На *нашей улице* пивную. [Антология 2008, 59]

В популярной до сих пор среди студентов песне «Султан» обычно поется:

А я различий не терплю, не терплю,
Вино и девушек люблю, да, люблю!
Чтобы все это совместить,
Простым студентом надо быть. [Антология 2008, 64]

Близкий вариант, где также была строчка: «Простым студентом надо быть» — нами был записан десять лет назад от студента машиностроительного факультета НТУ «ХПИ». Однако студенты 1950-х пели:

А я лишений не терплю,
Вино и девушек люблю, да, люблю,
А чтобы это совмещать,
Студентом ЭМС¹а надо стать. [ПМА, Копусь, 2010]

Есть и еще один политеховский вариант, который стоит привести полностью в силу оригинальности его концовки:

В гареме нежится султан, да султан,
Ему счастливый жребий дан, жребий дан.
Он может девушек любить, да любить —
Хотел бы я султаном быть.

Но он несчастный человек, человек —
Вина не пил он целый век, целый век.
Так запретил ему Коран, да, Коран.
Вот почему я не султан.

¹ ЭМС — электромашиностроительный факультет ХПИ.

А в Древнем Риме Папа жил, папа жил.
Вино, как воду, Папа пил, Папа пил.
Бокалы полные вина, да, вина —
Хотел бы Папой быть и я.

Но он несчастный человек, человек —
Не знал любви он целый век, целый век.
Так запретил ему закон, да, закон.
Так пусть же Папой будет он.

А я различий не терплю, не терплю,
Вино и женщин я люблю, я люблю.
И чтоб все это совместить, совместить
Простым студентом надо быть!

В одной руке держу бокал, я² бокал,
Чтоб он случайно не упал, не упал,
Другой сжимаю женский стан, женский стан —
И вот я Папа и Султан!

Но я несчастный человек, человек —
Зачеты мучат целый век, целый век ...
Но есть надежда у меня, у меня ,
Что ХПИ закончу я!

[<http://a-pesni.golosa.info/stud/vgareme.php>]

Почему Папа стал обитателем *Древнего Рима* — загадка: возможно, в силу необразованности авторов, а, возможно, вследствие особой условности исторических реалий, характерной для некоторых студенческих песен.

«Колхозы» — весьма яркое и характерное явление студенческой жизни советского периода. В 1970-е — 1980-е годы едва ли не 2 сентября и зеленых «перваков», и матерых «старшаков» в принудительном порядке отправляли на сельхозработы. В 1950-х харьковские политехники «боролась с урожаем» преимущественно на Херсонщине, бедной студенческой

² Возможно, опечатка. Скорее всего, нужно: да.

рабсилой. Как ни утомительна была работа, но и возможность хоть на время забыть об учебе, и радость освобождения из-под родительского надзора (некоторыми испытанная впервые), и «праздник живота» — вкушение арбузов и других южных фруктов в неограниченном количестве, как и неограниченное общение с друзьями, а также — что важно! — с противоположным полом, песни и душевные разговоры у костра далеко за полночь — все это не просто скрадывало «принудиловку», а придавало ей характер весьма романтического времяпрепровождения. «Памятником нерукотворным» этому незабываемому эпизоду в жизни политеховского студенчества стала песня «Перегончики», являющаяся талантливой переделкой (автором ее был Лион Надель, впоследствии известный своими палиндромами, шуточными стихотворениями и очерками о Высоцком) очень популярной тогда туристско-альпинистской песни «Вагончики» (не случайно студенты на ее основе создали песню целинников ТЭФ, слова Л. Ярового и О. Спиридонова [<http://www.izmerov.narod.ru/rsong/rrs0067.html>]). Приведем харьковский текст:

ПЕРЕГОНЧИКИ

На перегончиках
Стучат вагончики,
За перегоном перегон.
И с песней движется
И чуть не рушится
От нашей песенки вагон.

Прощай, Херсонщина,
Прощай, арбузики,
Прощай, херсонский виноград,
Из края южного семьею дружною
Мы возвращаемся назад.

Прощайте, подлости
Херсонской области,
Любимый Харьков манит нас.
Там электричество

В любом количестве,
Цивилизация и джаз.

На перегончиках
Стучат вагончики,
Орет студенческая рать,
А перед ужином
И рай не нужен нам,
Лишь только было б где поспать.

На перегончиках
Стучат вагончики,
За перегоном перегон,
Уже не движется,
Уже разрушился
От нашей песенки вагон.

Приведем для сравнения тексты ленинградцев и москвичей, воспевающих возвращение в родной город:

Все безобразия остались в Азии,
Видна Кремлевская звезда.
Прощай, просторное
Ты, море Черное,
Прощай, соленая вода
Прощай просторное
Ты, море Черное,
Прощай, соленая вода.

Все «безобразия» остались в Азии,
Видна далёкая Москва.
Огнями залита, работой занята,
Встречает москвичей она.

Прощайте яблочки, прощайте персики,
Прощай сухумский виноград.

Из рая южного семьею дружною
Мы уезжаем в Ленинград.

Все безобразия остались в Азии,
Адмиралтейства манит шпиль,
И виден блеск его в тумане Невского
Сквозь азиатскую жару и пыль.

Харьковский вариант по сравнению с питерским и двумя московскими отличается большей художественной завершенностью: последний куплет не просто перекликаются с первым, но является кульминационным и весьма выраженным.

Хорошо известна история создания песни о Льве Толстом [Антология 2008, Бахнов 1996, В нашу гавань заходили корабли 1995, Далекое прошлое Пушкиногорья 2000, Теплинский 2009]. Исходный текст был создан Сергеем Кристи, Алексеем Охрименко и Владимиром Шрейбером, авторами не менее популярных песен «Вот ходит Гамлет с пистолетом...», «Я был батальонный разведчик...», «Венецианский мавр Отелло» и других.

Публикации вариантов песни о Толстом неизменно входят во все сборники городских песен. Некоторые авторы уверяют, что с этой песней ходили нищие по электричкам. Может, и ходили. Однако, хотя формально песня представляет собою «нищенский текст», прагматика ее явно факультативна. Песня создавалась и до сих пор функционирует как «стебное» произведение, высмеивающее педагогические штампы, вульгарно-социологическое прочтение литературы, «классовый подход» к феноменам культуры. Это сегодня она кажется просто «прикольной», а, как полагал Леонид Бахнов, в 1950-е годы «за ернические песенки типа «Жил-был великий писатель» или Батальонный разведчик» <...> можно было хорошо загреметь» [Бахнов 1996, 223].

Марк Теплинский пишет, что Р.Н. Поддубная, выпускница харьковского филфака 1963 года, впоследствии профессор русской литературы в том же вузе, сообщила ему, что «в ее студенческие годы песня, «переданная в наследство от старшекурсников», содержала... критику в адрес Михайловского и Плеханова, которые-де Толстого не поняли — в противоположность Ленину, который все понял и объяснил. К сожалению, этот вариант не сохранился в памяти Риты Никитичны. Вот бы найти его!» [Теплинский 2009, 91].

Этот вариант искать не надо — он широко известен во многих публикациях [Далекое прошлое Пушкиногорья 2000, Антология 2008]. Правда, в этих текстах речь идет только о Плеханове и Ленине; возможно, варианта с упоминанием Н. Михайловского никогда и не было — скорее всего, память просто подвела профессора. Песня о русском классике обычно среди исполнителей не имела жанрового определения, но политехники, осознавшая всю ее эпичность, дали название «сага».

САГА О ТОЛСТОМ

Писатель дворянского класса
Лев Николаич Толстой
Не кушал ни рыбы, ни мяса,
Ходил по деревне босой.

Жена его Софья Толстая,
Обратно, любила поесть,
Она не ходила босая,
Спасая дворянскую честь.

Жена его именем Софья,
И в ней-то ошибся Толстой,
Ей чужда была философия
И мужа характер простой.

Он юность провел очень бурно:
Кутил и в гусарах служил,
А старость, напротив, культурно
В родимом имени прожил.

В имении Ясной Поляне
Любил принимать он гостей,
К нему приходили славяне
И негры различных мастей.

И плакал великий писатель
И кушал вареный овес,

И роман его «Воскресенье»
Читать невозможно без слез.

Георгий Валерьянович³ Плеханов
Сказал, что писатель Толстой
Прозаик был очень великий,
Философ, обратно, плохой.

Владимир Ильич же считает,
О том, что Толстой был велик
Не токмо как русский писатель,
А также как русский мужик.

Из этих из двух изречений
Студенты запомнить должны:
Учения Ленина верны,
Плеханова же неверны.

Я родственник графа Толстого,
Незаконорожденный внук...
Подайте, подайте, граждане
Из ваших мозолистых рук!

Обратим внимание на то, что во многих вариантах содержится обращение «ребята», что скорее мыслится как обращение к школьникам:

Из этой сложнейшей проблемы
Понять вы, ребята, должны:
Суждения Ленина верны,
Плеханова же неверны. [Далекое прошлое 2000]

Иногда встречается местоимение «мы»:
Из этой сложнейшей дилеммы
Понять мы, конечно, должны:
Суждения Ленина верны,
Плеханова же неверны.

³ На самом деле — Валентинович. «Мифическое» отчество вполне могло употребляться сознательно в качестве одного из маркеров малообразованности героя. В одном из вариантов Толстой упорно назывался Львом...Алексеевичем [Далекое прошлое 2000]. В некоторых вариантах имя революционера звучит укорочено: Георг — для рифмы и оригинальности.

В политеховском же варианте, записанном от В. Копуся [], сказано: «*Студенты* запомнить должны», что подчеркивает обращенность данного текста именно к студенческой аудитории. Данное резюме является идейным контрапунктом произведения. Как помнят все бывшие студенты, изучавшие некогда историю КПСС, смысл штудирования ленинских «первоисточников» сводился именно к этому: уяснению того, что абсолютно все суждения Ленина верны, а мысли его оппонентов, естественно, неверны.

В варианте, записанном от В. Зубаря, первая строчка отличается от приведенного выше текста одной буквой, но эта буква сразу дает нужный тон:

Писатель дворянского классу...

Всего-то и сказано, а мгновенно встает образ «человека из народа», этакий слегка «политически подкованный» советский Шариков.

В этом варианте многие куплеты расположены в другом порядке, есть множество лексических отличий от приведенного выше текста (например, *чужда ей была философия; а Ленин* *обратно считает, что Лев Николаич велик; из этой сложнейшей проблемы* и др.), есть строфы, отсутствующие в приведенном выше тексте, в частности:

Вступил он с правительством в тренья,
И был он народа кумир
За книжицу «Анна Каренина»
И роман «Война то ли мир».

* * *

«Налейте, налейте, граждáne,
Я сын незаконный яво,
Я очень привязан к папаше,
Хоть не дал он мне ничего.

Заканчивается песня тем же куплетом, что и в 1-ом варианте. Примечательно, что герой именуется себя вначале сыном, а через несколько секунд уже «незаконнорожденным внуком», что смешно уже само по себе. Однако это логическое противоречие только усиливает комический эффект и, на наш взгляд, показывает, что текст вовсе не имел установки на убеждение слушателя в правдивости излагаемого, как полагает М. Теплинский, утверждая, что эту «песню пели обычно

разнообразные нищие в электричках, собирая милостыню, и пели все-ррез, имея целью прежде всего разжалобить слушателей, а не рассме-шить или позабавить их и «замена *сына внуком* (в приведенном авто-ром варианте — М. К.) была вызвана просто стремлением к бытовому правдоподобию: по возрасту певец никак не мог быть *сыном* гениаль-ного писателя, *внук* же выглядел более натурально». Однако если «профессиональные нищие» и взяли в репертуар данное произведение, это пример вторичной функциональности, непародийного восприятия и «применения» пародийного текста. Как уже отмечали исследователи (в частности Б. Сарнов и М. Теплинский), фольклорные варианты дан-ной песни оказались значительно интереснее первоисточника (как это нередко бывает). Приведем для сравнения исходный текст:

О ГРАФЕ ТОЛСТОМ — МУЖИКЕ НЕ ПРОСТОМ

Жил-был великий писатель
Лев Николаич Толстой.
Мяса и рыбу не кушал —
Ходил по имению босой.

Он очень удачно родился
В деревне наследной своей
Впоследствии мир удивился,
Узнав, что он графских кровей.

Граф юность провел очень бурно
На фронте в Крыму воевал.
А в старости очень культурно
В именье своем проживал

В имении в Ясной поляне
Любил принимать он гостей:
К нему приезжали славяне
И негры различных мастей.

Вступал он с правительством в трения,
Но был он народа кумир.

Закончил граф «Анну Каренину»,
А также «Войну и мир».

Но Софья Андревна Толстая,
Напротив, любила поесть;
Она не ходила босая —
Спасая фамильную честь.

Великие потрясения
Писатель в быту перенес,
И роман его «Воскресение»
Читать невозможно без слез...

Легко нам понять-догадаться,
Ведь мы все живем на земле, —
Что так не могло продолжаться
В старинской дворянской земле.

Наскучило графу все это.
Решил он душой отдохнуть —
Велел заложить он карету
И в дальний отправился путь.

В дороге, увы, простудился
И на станционном одре
Со всеми беззлобно простился
И милостью божьей помре.

На этом примере учиться
Мы все, его дети, должны -
Не надо поспешно жениться
Не выбрав хорошей жены.

Не надо, ребятки, поспешно жениться
Не выбрав хорошей жены.
Нельзя под венец или в загс торопиться —
Последствия будут грустны!..

Правда, Б. Сарнов приводит другой «авторский текст», отличающийся даже названием:

О ГРАФЕ ТОЛСТОМ — МУЖИКЕ ПРОСТОМ

Жил-был великий писатель
Лев Николаич Толстой,
Мяса и рыбы не кушал,
Ходил по имению босой.

Он очень удачно родился
В деревне наследной своей,
Впоследствии мир удивился,
Узнав, что он графских кровей.

Граф юность провел очень бурш
На фронте в Крыму воевал.
А в старости очень культурно
В имении своем проживал.

В имении, в Ясной Поляне,
Любых принимал он гостей.
К нему приезжали славяне
И негры различных мастей.

Вступал он с правительством в тренья,
Зато был народа кумир,
Закончил граф «Анну Каренину»
А также «Войну и мир».

Но Софья Андревна Толстая,
Напротив, любила поесть,
Она не ходила босая,
Спасая дворянскую честь.

Великие потрясенья
Писатель в быту перенес,

И роман его «Воскресенье»
Читать невозможно без слез.

Легко нам понять-догадаться,
Ведь все мы линем на земле,
Что так не могло продолжаться
В старинной дворянской семье.

Наскучило графу все это!
Решившись душой отдохнуть,
Велел заложить он карсту
И в дальний отправился путь.

В дороге, увы, простудился
И на станционном одре
Со всеми беззлобно простился
И милостью Божьей помре.

На этом примере учиться
Мы все, его дети, должны —
Не надо поспешно жениться,
Не выбрав хорошей жены.

Не надо, ребятки, поспешно жениться,
Не выбрав хорошей жены!

Любопытно, что песни, сочиненные талантливой троицей, по словам А. Охрименко, «долгое время нигде не были записаны, пока, наконец, Володя не хватился и говорит: «Слушай, Леша, давай, все-таки запишем, перепечатаем их, все же на памяти на нашей, так же не должно быть». И несколько, правда, песен удалось перепечатать. У него была машинка. Но далеко не все. Все остались на памяти» [Далекое прошлое, 31]. Авторы этих текстов С. Кристи, В. Охрименко, А. Шрейберг [Антология бардовской песни 2006, 684–685] в 1950 году создали, конечно, весьма остроумную биографию «зеркала русской революции», а в финале спародировали банально-морализаторские концовки худших произведений соцреализма. В фольклорных же

текстах (во всех известных вариантах) авторский финал оказался отброшен и заменен типично «вагонной», точнее — пародирующей «просительные тексты» концовкой (как, например, в песне «Жуткий случай»: «Вас пятнадцать копеек не встроить.//А для меня это — хлеб трудовой!» [зап. М. Красиков 2.07.11 от А.И. Шехтмана]). Любопытно, что первый набросок песни, сделанный Сергеем Кристи, не столько был о Толстом, сколько о его «сыне», и «просительный» акцент текста был весьма существенен:

Жил-был великий писатель,
Лев Николаич Толстой.
Не ел ничего он мясного,
А только все книжки писал.

Подайте, подайте, граждане,
Я сын незаконный его.
Подайте кто может, сколь может,
Копейкой своей трудовой.

Я с роскошью с детства спознался,
Средь фарфора-мебели жил,
И вот меня, бедного крошку,
Этапом угнали в Сибирь.

Об атом проведаль мой папа
И Чехову письма писал;
«Ты ближе к начальству, Антоша,
Спаси дорогое дитё!»

А Чехов ему отвечает:
Мол, дело совсем не мое.

Подайте, подайте, граждане...,
И т. д.

Из фольклорных вариантов, к сожалению, ушла великолепно сделанная вторая авторская строфа, но многие строки стали значительно ярче. Например, авторы констатируют:

Вступал он с правительством в тренья,
Но был он народа кумир.
Закончил граф «Анну Каренину»,
А также «Войну и мир».

В фольклорных же текстах вместо сообщения о написанных произведениях, никак не связанного с предыдущим двустушием, — весьма логичное *пояснение*, за что писатель был «кумиром»:

За книжицу «Анна Каренина»
И роман «Война то ли мир».

Совершенно намеренно в фольклорных текстах роман называется *рóманом*, *повестью* и даже *пьесой*, что подчеркивает необразованность героя и вызывает комический эффект. Не только «для поддержания мелодической основы», как полагал М. Теплинский [Теплинский 2009], но и для усиления все того же комического начала, название толстовского произведения звучит в фольклорных вариантах так: «Война то ли мир», «Война ой да мир», «Война али мир». Совершенно замечательна в фольклорных текстах замена литературного *напротив* на «народный» синоним *обратно*, причем в некоторых текстах этот прием повторяется дважды и даже трижды:

Жена его Софья Толстая,
Обратно, любила поесть.

* * *

А Ленин, обратно, считает,
Что Лев Николаич велик.

В близком к приведенному тексту варианте последние три строфы звучат так:

Однажды любимая мама
На барский пошла сеновал.
Случилась ужасная драма —
Граф маму изнасиловал.

Вот так разлагалось дворянство,
Вот так распадалась семья;
И в результате того разложения
На свет появился и я.

В суровом огне революций,
В агонии творческих мук
Подайте, подайте, граждане,
Из ваших мозолистых рук.

Риторика «революционной» поэзии и «идеологически воздержанной» вульгарщины первых лет Советской власти в «жалостливом» тексте, разумеется, вызывает комический эффект. Простонародные «*граждáне*» (во всех фольклорных вариантах), как и формы «*яво*», «*токмо*» и т. п. (в некоторых текстах), конечно же являются социально маркированными и, так сказать, приближенными к «целевой аудитории». Знаменательно, что Евгений Евтушенко в 1963 году написавший свое знаменитое стихотворение «Граждане, послушайте меня», цитирует «песенки свербящее начало» с ударением на первое -а-: *гра́ждане*. Естественно, в лирическом тексте, который «вымучивает» солдат на бочкотаре» это слово может употребляться только так, чего не скажешь о пародийном фольклоризованном тексте.

Как видим, песенный репертуар студентов ХПИ 1950-х — 1960-х гг. был богат и разнообразен. Немалое место в нем занимала собственно студенческая тематика. Совершенно необходимым представляется нам изучение полного репертуара данного, пожалуй, самого песенного, поколения, поскольку память тех, кому сегодня около восьмидесяти или за восемьдесят, хранит еще массу интереснейших произведений уже отошедших в прошлое или существующих в живом бытовании лишь в виде фрагментов.

Список литературы: 1. Антология студенческих, школьных и дворовых песен. Более 500 песен / Сост. М. Баранова. М. 2008. с. 59. 2. Учебное пособие для студентов II-III курсов специальности «музейное дело и охрана памятников истории культуры». 3. Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 6. Песенный фольклор археологических экспедиций / Сост.

С. В. Билецкий. СПб, 2000, с. 100. 4. Сарнов Б. «Интеллигенция поет блатные песни» // Вопросы литературы. 1996, Вып. 5 – С. ... 5. Бахнов Л. «Интеллигенция поет блатные песни» // Новый мир. 1996 № 5. С...6. В нашу гавань заходили корабли. М., 1995 (Далекое прошлое 2000. С. 566–569). 6. Теплинский М. Фольклор интеллигенции. Тексты и размышления // Радуга (Киев) 2009/ №7 С. 89-91/ 7. Антология бардовской песни. 100 бардов. 600 песен. / Автор-составитель Р. Шипов. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 896 с., ил. 8. Summary: Nhe article briefly analyzes content of the NTU «КПИ» students songs. For the first time sampies of the folklore wide-spread in 1950-1960th years have been published. Keywords: students, folklore, songe. 9. Охрименко А. Я был батальонный разведчик. М.: Московские окна, 1998.